

ПОХОД ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА НА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В СТАТЬЕ 6493 ГОДА ПВЛ: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА

Аннотация: Статья посвящена семантике одного сюжета из Повести временных лет. Автор показывает, что противопоставление носящих лапти руссов и носящих сапоги болгар имело для христианина глубокий символический смысл. Этот отрывок должен был указывать на скорый приход болгар к князю Владимиру, положивший начало выбору веры.

Ключевые слова: Владимир Святославович, волжские болгары, Повесть временных лет, семантика.

Об авторе: Андрейчева Марианна Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Московского государственного объединённого музея-заповедника. Москва, 115487, проспект Андропова, 39. anuta.andr@gmail.com

A RAID OF PRINCE VLADIMIR SVYATOSLAVICH ON THE VOLGA BULGARS IN THE ANNAL FOR AM 6493 IN THE “TALE OF BYGONE YEARS”: THE QUESTION OF SEMANTICS PLOT

Abstract: The article is devoted to the semantics of the plot of one story in the “Tale of Bygone Years”. The author demonstrates that the opposition of bast-shoe-wearing Russiand and boots-wearing Bulgarians had a profound symbolic meaning for Christian chronicler. The passage in question should point to the imminent arrival of the Bulgarians to Prince Vladimir, that laid the foundation for his choice of faith.

Keywords: Saint Vladimir, Volga Bulgars, Tale of Bygone Years, semantics.

About the Author: Marianne Andreycheva, PhD in History, researcher in the Moscow United State United Museum and Conservancy Area. Moscow, 115487, Andropov Prospekt, 39. anuta.andr@gmail.com

В статье 6493 года Повести временных лет содержится следующий рассказ о походе князя Владимира на Болгар: «В лето 6493. Иде Володимеръ на Болгары с Добрыною съ воемъ своимъ в лодьях, а Торъки берегомъ приведе на коних и победы Болгары. Рече Добрына Володимеру: “Съглядахъ колодникъ, оже суть вси в сапозех, сим дани нам не даяти. Поидем искать лапотниковъ”. И сотвори мир Володимеръ с Болгары и роте заходиша межю собе и реша Болгаре: “Толи не будетъ межю нами мира, елико камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути”. И прииде Владимир Киеву»¹.

Поскольку в тексте ключевая роль отводилась дяде Владимира, новгородскому посаднику Добрыне, то А.А. Шахматов в свое время предположил, что данное известие явилось новгородской обработкой более краткого сведения о столкновении руссов с болгарами из Древнейшего свода, которая попала в летопись в ходе составления Начального свода 90-х годов XI в. С другой стороны, среди исследователей не было единства во мнении о каких болгарах в летописи идет речь: о волжских или дунайских. Так Шахматов А.А.², Линниченко И.А.³, Голубинский Е.Е.⁴, Успенский Ф.И.⁵, Рапов О.М.⁶,

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Т. I. М., 2001. Стб. 84.

² Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908. С. 175-176.

³ Линниченко И.А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Т. XII. 1886. С. 604.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901. С. 167.

⁵ Успенский Ф.И. Император Василий Болгаробойца В.Р. Розена. Критика // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Апрель. СПб., С. 294-295.

Мавродин В.В.⁷, Рыбаков Б.А.⁸ придерживались мнения, что речь идет о походе на Дунайских болгар. Сторонники данной версии, как правило, ссылались на то, что войско Владимира плыло на лодьях, а торки ехали на конях берегом – это описание казалось исследователям сомнительным, поскольку «от Киева добраться до Волги так далеко»⁹, а «по берегу Волги, покрытому непроходимым лесом, вовсе невозможно проводить конницы»¹⁰, тем не менее, такой способ передвижения казался логичным при походе по Днепру в сторону Черного моря, а затем Дуная. В пользу Волжских болгар высказывались Карамзин Н.М.¹¹, Бестужев-Рюмин К.Н.¹², Голубовский П.В.¹³, Пашуто В.Т.¹⁴, Халиков А. Х.¹⁵, Толстов С. П.¹⁶, Греков Б.Д.¹⁷, и их аргументация внесла серьезный вклад в разрешение данного вопроса. Исследователи ссылались на подтверждение данной версии в других древнерусских источниках: так в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха упоминает-

⁶ *Рапов О.М.* Русская церковь в IX- первой половине XII в. Приятие христианства. М., 1988. С. 213.

⁷ *Мавродин В.В.* Древняя Русь. М., 1946. С. 224-225.

⁸ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. М., 1963. С. 68.

⁹ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 167.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 239-240.

¹² *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 77.

¹³ *Голубовский П.В.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884. С. 76.

¹⁴ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 98

¹⁵ *Халиков А. Х.* Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 9

¹⁶ *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 247.

¹⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 471.

ся поход князя на «сребренны болгары»¹⁸ (то есть волжских – *М.А.*), в Воскресенской летописи текст о походе предваряет заглавие «побѣда Болгаромъ иже по Волзѣ»¹⁹, в Никоновской летописи говорится «иде Володимеръ на Болгары Низовския»²⁰ («низовские» - также одно из наименований волжских болгар – *М.А.*). Более того, в походе союзниками Владимира выступают торки, которых в изучаемое время нельзя представить себе живущими около Дуная. Напротив, в тот период они занимали территории между Доном и Волгой²¹ и их участие было бы логичнее представить в военной компании именно против волжско-камских болгар. Такая версия понимания данного текста стала фактически общепринятой в современной историографии.

Поскольку время создания текста, как было сказано выше, отстоит от реалий описываемых событий почти на сто лет, не вызывает сомнения, что коллизия с сапогами и лаптями является результатом литературно-художественного вымысла летописца. Поэтому главный вопрос нашего исследования будет сформулирован так: какой смысл (или смыслы) вкладывал автор статьи в текст с описанием похода? Ответить на данный вопрос можно, осуществив попытку герменевтического анализа летописной статьи, который подразумевает изучение семантики, используемой в ней лексики, исследование так называемой памяти контекста приводимых прямых и косвенных цитат и отсылок, обращение к летописному контексту, в который помещен

¹⁸ *Иаков Мних*. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 322, 526.

¹⁹ Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793. С. 123.

²⁰ Русская летопись по Никоновскому списку. СПб., 1797. С. 68.

²¹ *Голубовский П.В.* Указ.соч.

отрывок. Поскольку в центр сюжета рассказа о походе Владимира помещена антитеза «лапотники» – носящие «сапоги», то было бы целесообразно попытаться выявить символическое значение, используемой лексики для обозначения обуви, исходя из контекста историко-культурной традиции, носителем которой был древнерусский летописец-черноризец.

По всей видимости, автор статьи умышленно акцентирует антитезу «лапотники» – носящие «сапоги». Судя по контексту летописного отрывка, речь идет о своеобразном определении антитезы «свой – чужой». «Лапотники» – «свои», то есть те, кого Русь включала в сферу своего влияния. К ним, вероятно, относились те племена, которые уже были покорены Владимиром: радимичи, вятичи и т.д.

«Лапти», как обозначение обуви из лыка, имеют крайне редкое словоупотребление в древнерусской литературе²². Ближайшее по времени упоминание, и то в лексической форме «лыченицы», встречается в «Молении Даниила Заточника». Но тем оно и интересно, что слово «лыченицы» опять употребляется в смысловой паре со словом «сапог»:

«Лучше бы ми нога своя видети в *лыченицы* в дому твоём, нежели в черлене *сапозе* в боярстем дворе»²³.

Поскольку в «Молении» данное выражение адресовано князю, на службу к которому просится автор текста, здесь тоже противопоставление «лычениц» «сапогам» несет в себе в качестве одного из смыслов определение границ «свой – чужой»: лучше быть в лыченицах (на низших ролях

²² См. Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке: Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Прил. №6-10. Хельсинки, 1959. С.16, 126-128.

²³ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника (по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам). Л., 1932. С. 60.

– М.А.) при князе, чем «чужим» ему в червленых сапогах (на первых ролях – М.А.) на боярской службе.

В «Молении» встречается и тема плавающего камня:

«Коли пожрет синица орла, *коли поплывет камень по воде* и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится»²⁴.

Подобное и по смыслу, и по художественной форме высказывание содержится также и в другом древнерусском памятнике литературы «Беседа трех святителей»²⁵.

Очевидно, и «Моление», и «Беседа», и косвенно, возможно, и летописный текст, имеют некий единый источник, откуда почерпнуты выше приведенные изречения. Но, к сожалению, его пока не удалось обнаружить. Возможно, речь идет об одном из сборников изречений наподобие древнерусского сборника «Пчела»²⁶.

В сборнике татарских народных пословиц болгарская клятва приводится на татарском языке: «Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вђгъдђ шунда бозылыр» (Когда камень всплывет на поверхность, а хмель станет тонуть, это соглашение лишь тогда будет наруше-

²⁴ Слово Даниила Заточника, Академический список // Там же. С. 67.

²⁵ “Что есть человеку тяжелее всего носить? – Тяжелее всего глупство и упрямство учить человека: вода великия корабли поднимает, а *малого камня всемъ моремъ не подыметъ*; ни моря пречерпати, ни мертвеца воскресити, ни утла судна налити; тако и глупова и упрямова человека всемъ миромъ не научить” (Апокрифы. Беседа трех святителей // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С.144).

²⁶ Связь “Моления” с “Пчелой” неоднократно отмечалась исследователями. (См.: Будде Е. О “Слове” Даниила Заточника в его отношении к древнерусской Пчеле // Под знаменем науки. М., 1902. С. 74-94; Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. С. 250-251).

но)²⁷. Этот текст в свое время дал повод историку Г.М. Давлетшину утверждать, что данное изречение – своего рода «печать», закрепляющая договор между Волжской булгарией и Русью. Согласно его сведениям «это же изречение бытовало среди казанских татар как средство подкрепления своего слова и дела»²⁸. Остается надеяться, что составитель сборника пословиц не осуществил самостоятельно перевод летописного отрывка на татарский язык, а почерпнул изречение из устного татарского предания и сопоставил ее с летописным источником.

В любом случае нельзя исключать влияния на данный летописный отрывок или какого-то письменного древнеславянского источника, или некоего отголоска устного болгарского предания. Можно предположить, что летописец вставил в текст известное ему болгарское изречение, еще и потому, что оно напоминало ему знакомую пословицу о глупце. В таком случае оно обретало двусмысленное звучание, в котором мог скрываться намек: пока Русь будет оставаться «глупой», мир между Болгарами и Русью не закончится.

В историографии встречается несколько вариантов интерпретации летописного курьеза с болгарскими сапогами. Наиболее распространенной точкой зрения, сформулированной еще в начале XIX в. Н.М. Карамзиным²⁹, являлось мнение, что в данном отрывке присутствует аллегорическое указание на высокий социальный статус Волжских болгар. Считалось, что русский князь заключает мирный договор с ними, понимая, что не

²⁷ Татар халык мѣкальѣре // Кереш снз цѣм аѣлатмалар белѣн кѣпочысы цѣм тѣзнѣчесе Н. Исѣнѣт: 3 томда. Казан, 1959–1967. 3 т. 780 б.

²⁸ Давлетшин Г. М.. Булгарская письменность [Текст]: [раннебулгарский и домонгольский периоды] // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2008. № 1. С. 23-32.

²⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч.

сможет столь развитый и богатый народ окончательно подчинить и контролировать. Некоторые исследователи просто относились к этому летописному эпизоду как к некоему анекдоту³⁰.

Альтернативный вариант понимания предложил в свое время историк А.В. Курбатов³¹, который увидел в антитезе «лапотники» – «носящие сапоги» намек на кочевников: собирать дань с оседлых жителей (лапотников) легче, чем контролировать в степи орды кочующих племен (сапоги – обувь, наиболее приспособленная для верховой езды, активно использовалась кочевниками).

И надо отметить, что привлечение внимания к характерным чертам отличия лычной и кожаной обуви небезосновательно. Первая имела небольшой срок эксплуатации (при активном ношении лапти служили около двух недель). Вторая носилась долго и зачастую предназначалась для дальних переходов. Исходя из этого, можно также предположить, что в словах Добрыни, обращенных к Владимиру, кроется указание на то, что болгары выглядят как собравшиеся в дальнюю дорогу, в противоположность лапотникам, сидящим на своей земле.

Похожая по смыслу антитеза есть в Священном писании. В Новом Завете встречается противопоставление «сандалии» – «сапоги». Речь идет о так называемых малой и большой миссии, на которые посылал своих учеников Спаситель. В первом случае Учитель посылает апо-

³⁰ Так, исследователь С.П. Толстов полагал, что притча о пленных болгарях в сапогах является анекдотом, который “не может объяснить причин поспешного установления мира и возвращения Владимира в Киев”. Скорее всего, она маскирует “конечную политическую неудачу русско-огузской коалиции против булгар, несмотря на очевидный... первоначальный военный успех”. (*Толстов С.П. Указ. соч. С. 256*).

³¹ *Курбатов А. В. Русь nelaпoтная // Родина. № 6. М, 2001.С.42-44.*

столов на проповедь иудеям, напутствуя учеников в Евангелии от Матфея такими словами: «Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поасѣх ваших на поути, ни двою ризоу, ни сапогѣ, ни жезлѣ...»³². В Евангелии от Марка в том же эпизоде говорится: «И запрети имъ, да ничесоже възмутъ на путь, тъкъмо жьзль единъ: ни пиры, ни хлеба, ни при поясе меди, нъ обулены в *санѣдалиа*...»³³.

Здесь «сандалии» являются символом ближнего пути, когда Учитель еще рядом и благая весть адресует-ся иудеям, то есть пока еще своим по вере.

Во втором случае, Спаситель перед Своим распятием на тайной вечере напутствует апостолов идти на проповедь всему миру: «И рече имъ: егда послах вы без влагалища и без мѣха и без сапогѣ, еда что лишени бы-сте. Они же реша: ничтоже. Рече же имъ: но нынѣ иже имать влагалище, да възметь такоже и мѣх, а иже не имать, да продасть ризоу свою и коупить ножъ»³⁴.

³² Мф. 10:9-10 // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7: Евангелие. М., 1992. С.41. Данный фрагмент из Евангелия от Матфея не был включен в Остромирово евангелие-апракос. Поэтому он приводится по Геннадьевской Библии, где, как отмечает А.А. Алексеев, Евангелия, Деяния и Послания представлены в афонской редакции (XIV в), которая, не смотря на то, что отражает ранний кирилло-мефодиевский перевод с правкой по греческому оригиналу, тем не менее “последует древнему тексту” и едва ли “содержит лексемы, которые были бы неизвестны предшествующей традиции”. (Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб, 1999. С. 186-187). Ср.: “Не носите влагалища, ни пиры, ни сапогы и никого же на поути цѣлуите” (Лука 10:4 // Там же. С.232).

³³ Марк 6:8-9 // Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007. С. 290.

³⁴ Лк 22:35-36 // Библия 1499... С. 279.

Таким образом, «сапог» выступает неким символом вселенской проповеди Евангелия, на которую первым вступил сам Господь (не случайно ремень именно сапога Иисуса не считает себя достойным давать разрешение Святому Иоанну Предтеча)³⁵.

К основным видам древнерусской кожаной обуви относились сапоги, плесницы, калиги, черевие и др.³⁶. Они отличались по крою и внешнему виду, но несмотря на это в нарративных памятниках Древней Руси можно встретить примеры, когда в одном и том же тексте наименования этих видов использовались как взаимозаменяемые лексемы. Для примера приведем отрывок из толкового Апостола XV в. В нем повествуется о чудесном освобождении апостола Петра из темницы. Согласно рассказу, Ангел внезапно явился перед апостолом и обратился к нему с такими словами: «Востани вскоре! Препояшися и вступи в *плесница* своя!...»³⁷. За отрывком из Деяний следует толкование на него Святого Иоанна Златоуста, в котором уже говорится, что ангел приказал Петру «в *сапоги* обуться и препоясаться»³⁸.

³⁵ См.: “Гряды же по мъне, крепили мене есть. Ему же несъм достоинъ *сапога* понести” (Мф. 3:11 // Остромирово евангелие... С. 255); “Грядыи по мъне, яко първеи мене бе. Ему же несъм достоинъ да отрешу ремень *сапогу* его” (Ин. 1:27-28 // Там же. С. 4); “Грядет крепили мене въ следъ мене, емоу же несть достоинъ поклонься раздрешити ремене *сапогъ* его” (Мк 1:8 // Там же. С. 256); “Грядеть же крепили мене. Емоу же несъм достоинъ отрешити ремене *сапогъ* его” (Лк 3:16 // Там же. С. 259 об.).

³⁶ См. Вахрос И.С. Указ. соч. С. 33-53.

³⁷ Апостол толковый с прибавлениями, полууст. разный, XV века. РГБ ф. 304.1. Ед. хр. 116 (91). Л.132-132 об.

³⁸ Там же. Л. 135-135 об. Данный пример опровергает мнение Вахроса И.С., который полагал, что в древнерусском языке слова “калига” и “плесница” применялись наравне со словом “сандалии”. Напротив, у нас есть все основания предположить, что род-

Надо также заметить, что плесницы и калиги или сапоги воспринимались еще и как род сугубо монашеской обуви. И имели в этом смысле глубокое символическое значение.

Пожалуй, есть лишь один памятник, известный каждому чернецу, в котором задавалось ключевое символическое звучание деталям одежды. Это «Чин пострижения в монашество». Древнейший славянский перевод памятника дошел до нас в составе Третьяка конца XIII – нач. XIV в.³⁹. Согласно чину, возложение каждой детали монашеского одеяния сопровождалось произнесением соответствующего текста, раскрывавшего значение вещи для постригаемого.

Надевание на ноги калиг или плесниц являлось важным этапом чина пострижения в великий монашеский образ. Во время пострига монаха обували, произнося следующие слова: «Брат наш [имя рек] обувается в *калиги* оуготование еоуангелие миру»⁴⁰. Там же в одной из молитв чина: «*Плесницама* да поидет в путь спасения мира»⁴¹. Как видим, здесь также в одном тексте в отношении одной и той же обуви употребляются как равнозначные разные наименования.

Данный текст чина отсылает нас к отрывку из послания к Ефесеянам апостола Павла: «Станѣте убо препоясани въ чресла ваша истинною и оболкъшесе въ бро-

ственным термином для обозначения монашеской обуви было слово “сапоги”. (См.: *Вахрос И.С.* Указ. соч. С. 42).

³⁹ Книга потребник-требник. СПб: Общество любителей древней письменности, 1878; См. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI-XIII вв. М., 1984. С. 369.

⁴⁰ Книга потребник-требник.... Л.54.

⁴¹ Там же. Л. 57-57 об.

ня правды, и *обувшие нозѣ въ уготовани благоѣствованія миру*»⁴².

Таким образом, в чине утверждается основное символическое значение монашеской обуви – это благовестие миру, проповедь спасения. Исходя из выше изложенного, справедливо было бы задаться вопросом: можем ли мы сопоставить символику монашеских плесниц и значение летописных сапог на ногах болгар? Если мы обратимся к контексту исследуемой нами статьи ПВЛ, то увидим, что следующим событием летописи является приход болгар «веры Бохмич» как вестников своей веры к Владимиру. Мусульманским миссионерам выпала чрезвычайно важная роль - положить начало так называемому «испытанию вер». Поэтому их появление могло представляться летописцу особым изъяснением воли Божией к языческой Руси. Впрочем, сапоги – это не единственная деталь одеяния болгар, отмеченная летописцем по ходу повествования. Далее в летописи он еще раз вернется к теме болгарской

⁴² Еф. 6:14-15 // Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8: Деяния и послания апостолов. Апокалипсис. М., 1992. С. 283.

См. также: “Нестъ бо разнствія иудееви же и еллину: той бо Бог всех... Како убо призовут, в него же не вероваша; како же уверуют, его же не услышаша; какоже услышат без проповедующего; Како же проповедят, аще не посланы будут; Яко же есть писано: *коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих блага*”. (Рим. 10:12, 14-15 // Там же. С. 187); “Сего ради познають людие мои имя мое въ тои день, яко азъ самъ есмь, аз глаголя, и приидох яко время на горы, *яко нозѣ благовествующих вѣсть мира, яко благовѣствуяи благостыню...*”. (Ис. 52:7 // Библия. - Острог: Типография К.К. Острожского, печатник Иван Федоров, 12 авг. 1581. Книга пророка Исаии приводится по Острожской Библии, поскольку, как отмечено А.А. Алексеевым, в последнюю текст Исаии был взят из Геннадьевской Библии с самыми незначительными поправками. (См.: Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб, 1999. С. 205))

одежды в описании мусульманской службы, которое князю Владимиру изложат послы, побывавшие с ответным визитом в Волжской Булгарии:

«Они (послы – М.А.) же реша, яко ходиша в Болгары, смотрихом како ся покланяют в храме, рекше, в ропате, *стояще бес пояса*, поклонився сядет и глядит семо и онамо, яко бешен, и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть добро закон их»⁴³.

Пояс (вернее его отсутствие) – это вторая важная деталь одежды, на которой заостряет наше внимание летописец. И не случайно, так как, пояс для монашеского – еще один значимый символ. Вновь обратившись к «Чину пострижения в монашество», мы обнаружим, что при его возложении на постригаемого произносятся следующие слова:

«Брат наш поясает чресла своя силою истины»⁴⁴. Данная формула также восходит к выше упоминавшемуся отрывку из послания Ефесеянам апостола Павла.

В Толковой Палее есть схожее место, где Анна, мать пророка Самуила, прорицает: «лук сильныхъ изнеможе, а немощнии *препоясашася силою*». Толкование на это пророчество такое: «Силни бо бѣсте тогда, имже Господь бѣ с вами (жидами – М.А.), иже безъ оружия страны языкъ наслѣдовасте.... Да того ради вы, силни, от лука своего изнемогосте, мы (бывшие язычники, нынешние христиане – М.А.) же оубо, немощни бывше иногда, но *препоясахомъся силою Владыкы нашего Иисуса Христа*»⁴⁵.

В другом древнерусском памятнике литературы «Мерило праведное» присутствует небольшой текст, по-

⁴³ ПСРЛ.Т.1 Стб. 108.

⁴⁴ Книга потребник-гребник... Л. 54.

⁴⁵ Палей Толковая / Перев. с древнерусс. А. Камчатнова.М., 2002. С. 469-470

священный теме ношения пояса: «Почто повелено туго поясаться апостолом и всем святым. Толк: Да крепко служат Богу, поклоном и постом, бдением, молением, течение проповедив в языцех. Того ради чернецы и попове туго превязаются, лепо бы тако и всем крисьтяном»⁴⁶.

О том, что пояс для христианина имел глубоко символическое значение свидетельствует и известный эпизод с ответом папы Николая I на вопрос болгар (866 г.): «Что же до того, наконец, что греки, как вы утверждаете, запрещают вам принимать причастие неподпоясанными, то какими заповедями священного писания они обосновывают этот запрет, мы точно не знаем; тем разве, что Господь заповедал, говоря: “Да будут чресла ваши препоясаны”. Но эту заповедь надлежит исполнять не по букве, а по духу...⁴⁷».

Итак, ношению пояса христианином придавалось чрезвычайно важное значение и наполнялось глубокими и многогранными смыслами. Но, прежде всего, опоясывание чресл символизировало твердое стояние в истине на службе Богу.

Сапоги на ногах болгар и отсутствие пояса на них во время молитвы могли восприниматься как явления одного порядка, расшифровываемыми, исходя из тех символических «прочтений» деталей одежды христианина, которые были распространены в интеллектуальной монашеской среде. Отсюда мы можем предположить, что автор-составитель рассматриваемых нами текстов летописи, вероятно, имел в виду: болгаре, хотя и пришли благовестить свою веру (это символизируют

⁴⁶ Мерило праведное, устав. красивый, исх. XIV века. РГБ Ф. 304.I. №2026. Л. 346 об.

⁴⁷ Nicolaus I PP._ Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum) / Ed. E. Perels // Epistola Karolini aevi. Т. 4. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. Т. 6). Berolini, 1925. P. 587

сапоги), но истины в ней нет и сила Божия не с ними (об этом говорит отсутствие пояса на мусульманах).

Что же касается «лапотников», упоминаемых Добрыней в тексте о походе на болгар, то, здесь мы можем иметь дело со своеобразным обозначением «своих», не только в смысле «данников», но и тех, к которым будет далее обращено благовестие.

Таким образом, в статье 6493 г. мы имеем дело с текстом, буквальное «прочтение» которого (исходя из логики или так называемого «здорового смысла») является малоэффективным. Очевидно, что он содержит скрытую семантику, постигнуть которую можно с помощью герменевтического анализа фрагмента. Выявленные в данной статье смыслы отнюдь не являются исчерпывающими – это лишь начало намеченного пути исследования, дающее нам приблизиться к пониманию написанного летописцем.

Литература

Апостол толковый с прибавлениями, полууст. разный, XV века. РГБ ф. 304.1. Ед. хр. 116 (91).

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 7: Евангелие. М., 1992.

Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8: Деяния и послания апостолов. Апокалипсис. М., 1992.

Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника (по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам). Л., 1932.

Иаков Мних. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

Книга потребник-требник. – СПб: Общество любителей древней письменности, 1878.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1. М., 2001.

Мерило праведное, устав. красивый, исх. XIV века, РГБ Ф. 304.1. №2026.

Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007.

Палей Толковая / Перев. с древнерусс. А. Камчатнова. М., 2002.

Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

- Русская летопись по Никоновскому списку. СПб., 1797.
- Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб, 1999.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1872.
- Будде Е.* О “Слове” Даниила Заточника в его отношении к древнерусской Пчеле // Под знаменем науки. М., 1902.
- Вахрос И.С.* Наименования обуви в русском языке: Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Прил. №6-10. Хельсинки, 1959.
- Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901.
- Голубовский П.В.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- Давлешиш Г. М.* Булгарская письменность [Текст]: [раннебулгарский и домонгольский периоды] // Гасырлар авазы (Эхо веков). Казань, 2008. № 1.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.
- Курбатов А. В.* Русь нелапотная // Родина. № 6. М, 2001.
- Мавродин В.В.* Древняя Русь. М., 1946.
- Миндалев П.* Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.
- Линниченко И.А.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Т. XII. 1886.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX- первой половине XII в. Принятие христианства. М., 1988.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. М., 1963.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI-XIII вв. М., 1984.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Успенский Ф.И.* Император Василий Болгаробойца В.Р. Розена. Критика // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Апрель. СПб.

Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908.

Татар халык мѣкальлѣре // Кереш сѣз цѣм афлатмалар белѣн кыючысы цѣм тлѣзъчесе Н. Исѣнбѣт: 3 томда: Т. 3. Казан, 1959-1967.

Nicolaus I PP._ Epist. 99 (Responsa ad consulta Bulgarorum) / Ed. E. Perels // Epistola Karolini aevi. T. 4. (Monumenta Germaniae Historica. Epistolae. T. 6). Berolini, 1925.